

© 2012 г. А.А. Боронин
УДК 81

**ОСНОВАНИЯ
ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРСОНАЖНЫХ СУБТЕКСТОВ**

В своей теории интерпретации персонажных субтекстов [1] мы часто обращаемся к непосредственному контексту употребления изучаемых сегментов – фикциональной коммуникативной ситуации, повторяющей во многом первостепенные по своей значимости черты тех ситуаций словесного взаимодействия, которые имеют место в действительности. В свою очередь, изображаемая в художественной прозе коммуникативная ситуация вписывается интерпретатором в контекст, который моделируется как установками адресанта художественного сообщения, так и установками реципиента этого сообщения. При истолковании фикциональной коммуникации адресат вольно и невольно сверяет предлагаемую писателем ситуацию с ее «аналогом»/«аналогами» из мира действительности. При этом абстрактный образец, находящийся в одном с интерпретатором пространстве действительности, погружен в единый (монореальный) контекст, что контрастирует с разнообразием возможных контекстов, в которые помещается фикциональная коммуникативная ситуация. В настоящей статье делается попытка устранить эту онтологическую асимметрию, что обоснует правомерность интерпретативной установки на соотнесение конструкторов, расположенных в разных – реальном и альтернативных – мирах. Для этого предложена модель коммуникации, основной особенностью которой является выведение коммуникативного процесса за рамки одной реальности – для этого описываются пространства (метауровни), в превращенном виде отражающие коммуникативные процессы и продолжающие их. Полиреальный контекст коммуникации моделируется посредством выделения интенционального и семиотического коммуникативных метауровней. Ниже дадим им характеристику.

Интенциональный коммуникативный метауровень возможно вывести с помощью приема, заключающегося в том, что употребление языка как такое не рассматривается как сущностный феномен. За наиглавнейший элемент этого метауровня примем имманентную каждой личности точку интенциональности, задающую диалогическую потребность в другом. «Эмблемой» этого уровня можно назвать сцену беззвучного диалога в фильме «Шепоты и крики» Ингмара Бергмана. В потенциальном пределе существует всеединая диалогическая ориентированность интенциональных личностных начал друг на друга. В подобным образом рассматриваемой сверхсложной системе язык не передает никакой информации в силу предельного интенционально-диалогического тождества, не нуждающегося в семиотическом закреплении (в частности, неслучайно богата палитра работ, рассматривающих разные аспекты феномена молчания). С таких позиций существование языка факультативно, он рассматривается не утилитарно, а эстетически – как сугубо «декоративная» знаковая система, лишенная непосредственной телеологичности и присваивающая коммуникативную метафункцию (заметим, что в природе наблюдается отчасти схожая семиотическая избыточность, проявляющая себя в окраске и анатомических «деталях» некоторых живых организмов). Раскрываемый подход упраздняет вопрос о феноменологически заданных функциях языка, ведь последний рассматривается во всей полноте своей экзистенциальной достаточности. Если перенести эту методологическую установку на текст как фрагмент языка-субстанции, процедуры сегментации и делимитации текста [2; 3] теряют свою актуальность, а интерпретация текста сводится к экзистенциальному «холизму» и произвольно-нежесткому, условному, символическому ограничиванию объекта как целостности.

Итак, отвлечение от совокупности феноменологических факторов речепорождения имеет своим результатом выход на интенциональный метауровень коммуникации, который отличается безраздельным господством мощного стремления к единству существования, к преодолению экзистенциальной дискретности любой личности.

Перейдем к рассмотрению другого – семиотического – коммуникативного метауровня, или метауровня текстовой экзистенции. В качестве существенного признака уровня текстового существования мыслится наличие конечного множества больших по объему текстов. Поскольку этот уровень есть

абстракция, то гипертексты ему принадлежащие являются фантомами, а реальное функционирование они получают лишь как сегменты в речевой деятельности. На метауровне гипертексты предельно актуализированы внедействительно. Они заметны не функционально, но сущностно – благодаря большому расстоянию между своими предельными границами (то есть большому объему). В коммуникативном аспекте гипертексты исчерпывают сами себя, поэтому они не многофункциональны, важен лишь сам факт их наличия, то есть их существование подчинено лишь одной задаче – прокламации знаковости как важнейшей коммуникативной предпосылки. Эти гиперзнаки стабильны: так, если неопределенность коммуникативных и действительностных контекстов требует «вычерпывания» смыслов из любого текста (так снижается энтропия названных контекстов, нарушающая исходное смысловое равновесие знака), то на метауровне текстовой экзистенции подобное смысловое «вычерпывание» не случается. Можно спроецировать описываемый метауровень на действительность, сохраняя в ослабленном варианте его атрибут – ограниченную коммуникативность, и тогда фантомные тексты обретают вполне реальную конкретность (полки с книгами в библиотечном хранилище, сеть Интернет). Читатель, открывающий книгу, имеет предварительную и обобщенную коммуникативную установку, нацеленную не только на сам текст *per se*, но и на его части, которым совсем не возбраняется стать более значимыми, чем сам текст (или, точнее, гипертекст, если принять условно-формальную точку зрения на конкретный объект действительности). В реальной коммуникации тексты стремятся к компактности, представляя собой речевые единицы, которыми удобно оперировать. Модели таких речевых единиц представлены в художественной прозе в виде персонажных субтекстов, компактность персонажных субтекстов подчеркивается даже на графическом уровне (симметрия знака):

Isabel looked at me indignantly.

‘Where on earth did you get that?’ [4, p. 211]

В отличие от повседневного общения, в котором постоянно реализуются процедуры сегментации и делимитации, тексту как элементу семиосферы сегментация противопоказана, так как в предельном виде можно помыслить совпадение границ текста с границами автохтонной семиосферы, что означает кристаллизующее лакунарность удаление от знаковой дискретности,

служащей основанием для сегментации, и приближение к символу, который по своей сути нечеток в формально-содержательном отношении. В подобном символическом измерении – вписанный в автохтонную семиосферу – текст предстает как неделимое (несегментируемое) целое.

Подчеркнем следующее обстоятельство: характеризуя семиотический метауровень текстовой экзистенции, мы абсолютизируем признак константности (неизменности) метауровня знаковой манифестации текста – к этому принуждает нас неизменность знаковой формы, становящаяся точкой опоры для реального коммуникативного процесса, которому целиком и полностью присуще хаотическое знаковое своеволие, поддерживаемое интенциональностью речевых действий общающихся субъектов, разнообразием видов деятельности, гибкостью этих видов, а также рядом других факторов. Но в реальной коммуникации, подобной котлу, в котором расплавляются готовые языковые и речевые формы, присутствуют стабильные, неизменные, заданные раз и навсегда моменты, относящиеся к противоположным метауровням – семиотическому и интенциональному. Метапространства «текстосемиотичности» и интенциональности предстают в реальной коммуникации в свернутом виде, в виде нескольких точек, вокруг которых и организуется коммуникативное событие. Так, в современной коммуникации как феноменологическом «зеркале» семиотического метауровня новейшие технические средства «воспроизводства» текстов создают квазиподобие этого метауровня, заключающееся в иллюзии, что «текст-вообще» уже предзадан, создан. По-иному выражаясь, эти точки роста суть стабильные и никогда не подверженные хаосу сущности, от которых отправляется любой коммуникативный акт, наделенный по своей глубинной природе существенной мерой неупорядоченности. В противном случае, коммуникация была бы безраздельно отдана во власть хаоса, то есть онтологической неупорядоченности, которая, впрочем, может быть замаскирована внешним порядком.

Стабильность семиотического уровня текстового существования не абсолютна, а относительна, ибо ей присущи некоторые изменения, хотя они и являются изменениями малосущественного характера, так как общее равновесие системы они не нарушают. В соотношении с кардинальными изменениями, могущими иметь место в реальной коммуникации, их влияние на общее состояние системы ничтожно мало, сущности семиотического метауровня

нечувствительны к преобразующим силам, гипертексты сверхстойчивы и труднопроницаемы благодаря множеству тесных внутренних связей между своими элементами. Гипертекст всегда находится в поре своего наивысшего расцвета, на пике упорядоченности. Такое понимание его статуса связано с вынесением предложенной нами коммуникативной модели за скобки общественно-исторического контекста. В обобщенной, абстрактной модели коммуникации упор делается на семиотическую/текстовую сторону речевого общения: последнее обретает свою естественную усложненность и тем самым становится полноценным объектом исследования именно тогда, когда условием для его подлинного существования становится определенность семиотического метауровня. Конкретный случай такой предзаданности – это словесно-художественное творчество, когда языковое сознание писателя выступает как метасемиотический уровень, к которому относятся ряд гипертекстов, преобразующихся в становящемся литературном произведении как конкретно-текстовом воплощении культуры, воспитавшей писателя. Как не может быть создан вне языкового сознания художественный текст, так и не может существовать без сформированного семиотического метауровня коммуникация. Допустима точка зрения, в соответствии с которой языковое сознание – это преобразованная и более конкретная часть семиотического метауровня, «мостик», соединяющий абстрактную знаковость гипотетического гипертекста и реальность речепотребления. Воссоздание гиперструктур семиотического уровня, возможно, происходит и подсознательно, в четком же ментальном фокусе оказывается лакуна как результат невозможности обозреть весь гипертекст как стабильное образование с четкой структурой, а также смутные образы гипертекста – нечетко дифференцированные в семиотическом отношении структуры. И те и другие являются веской причиной и катализатором речевых процессов. Через понятие «лакунарность» возможно установить связь не только с семиотическим метауровнем, но и с интенциональным метауровнем, как это было показано выше.

Коммуникативно-деятельностный контекст обеспечивает онтологическую релевантность любого речевого акта, даже если он основывается на использовании стандартных и многократно актуализированных дотоле текстов. По-иному выражаясь, тексты с установившейся формой (стабильной формальной структурой) имеют непрерывно становящуюся содержательную структуру,

открытую для коммуникативно-деятельностного контекста (ср.: «структура есть то, что предполагает постоянную соотнесенность с неструктурным, а потому – динамику, изменение, перспективы расширения на другие контексты» [5, с. 435 – 436]), что выступает как контраргумент в отношении позиции, заключающейся во взгляде на любой текст как на вторичный феномен и в известном смысле ограничивающей субъектное начало в текстогенезе.

Мы описали явление вертикальной интертекстуальности, позволяющее обосновать онтологию текстовой коммуникации. Нарращивание числа контекстов в рамках деятельностного разнообразия заставляет оперативно и гибко использовать речевые единицы, что предопределяет не только их обозримость и компактность, но и семантическую открытость. Персонажные субтексты – это своеобразные открытые структуры, противостоящие условно «неречевому» и отсюда достаточно неупорядоченному контексту иной повествовательной инстанции и одновременно вбирающие этот контекст в себя, как это особенно ярко демонстрируют индексальные персонажные субтексты, предельная компактность которых обедняет их информационный план. С другой стороны, именно моносубъектный повествовательный план художественного текста на тех отрезках, которые являются фоном для речевых действий фикциональных субъектов, обнаруживает меньшую лакуарность по сравнению с полисубъектным повествовательным планом хотя бы в силу относительной стереотипности контекстуального ввода персонажного субтекста.

Итак, методологическим конструктом, лежащим в основе онтологической коммуникативной модели, становится принцип полиреальности, который делает правомерной установку на соотнесение реального и фикционального коммуникативных контекстов при интерпретации персонажных субтекстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боронин А.А.* Интерпретация персонажных субтекстов: основы теории (на материале художественной прозы). М., 2007.
2. *Боронин А.А.* Психолингвистическое обоснование сегментации и делимитации текста // *Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей / Под. ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой.* М. Калуга, 2009.

3. *Боронин А.А.* Текст: сегментация и делимитация // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 15 – 17 июня 2009 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. Ред.), О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Н.В. Уфимцева. М., 2009.
4. *Maugham W.S.* The Razor's Edge. M., 2005.
5. *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М., 2009.

L I T E R A T U R E

1. *Boronin A.A.* Interpretatsiya personazhnykh subtekstov: osnovy teorii (na materiale khudozhestvennoy prozy) M., 2007.
2. *Boronin A.A.* Psikholingvisticheskoe obosnovanie segmentatsii i delimitatsii teksta // YAzyk i soznanie: psikholingvisticheskie aspekty. Sbornik statey / Pod. red. N.V. Ufimtsevoy, T.N. Ushakovoy. M. Kaluga, 2009.
3. *Boronin A.A.* Tekst: segmentatsiya i delimitatsiya // Psikholingvistika v XXI veke: rezul'taty, problemy, perspektivy. XVI mezhdunarodnyy simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. Tezisy dok-ladov. Moskva, 15 - 17 iyunya 2009 g. / Red. kollegiya: E.F. Tarasov (otv. Red.), O.V. Balyasnikova, E.S. Oshchepkova, N.V. Ufimtseva. M., 2009.
4. *Maugham W.S.* The Razor's Edge. M., 2005.
5. *Avtonomova N.S.* Otkrytaya struktura: YAkobson - Bakhtin - Lotman - Gasparov. M., 2009.

***Московский государственный
областной университет***

26 июня 2012 г.